Окаменевшая / мистика

Category: Kitapcy,Mistika we fantastika
написано kitapcy | 25 января, 2025
Окаменевшая / мистика ОКАМЕНЕВШАЯ

Современный рассказ по мотивам истории о «стоянии Зои» (1956г., г. Куйбышев).

Канун Нового года. Волшебное время, когда морозный воздух весело щиплет кожу лица, в воздухе витает аромат ёлки и мандарин, а в душе поселяется это иррациональное чувство того, что после смены цифр на календаре всё плохое останется в прошлом, в уходящем году, а в наступающем всё будет с чистого листа – хорошо, весело и счастливо. И это позитивное настроение, эта надежда передаётся по воздуху, в едином порыве объединяет массу людей, снующих по магазинам в поисках подарков, разных вкусностей к новогоднему столу, наряжающих красавицу-ёлку в тёплых домах, окна которых бесчисленным числом глаз горят на теле высотных домов большого города, погрузившегося в спокойный зимний вечер.
Группа молодых парней и девушек шла по тротуару, освещаемому с обеих сторон белыми плафонами фонарей. Стоял чудесный зимний вечер: небольшой мороз, крупные снежинки, не терзаемые ветром, практически вертикально планировали в воздухе и мягко касались земли, покрывая её девственной белизной и приятно скрипели под подошвами ботинок. Разговоры об успешно сданный зачётах и предстоящих экзаменах выдавали в молодых людях студентов ВУЗа, решивших вместе отметить Новый год. Яркие огни рекламы и вывесок освещали улицу, всеми оттенками синего, красного и зелёного цвета переливалась подсветка фасада бизнес-центра. Впереди маячила плоская коробка гипермаркета с рекламой товарных марок на сером фасаде.
– Давайте зайдём в магазин и ко мне, мамы всё равно до второго числа не будет. –предложила одна из девушек по имени Светлана.
– Чудненько! Спасибо за предложение. Придём домой, можно будет ещё пиццу заказать. – поддержала староста группы Василиса.

Затарившись в магазине и пройдя сотню метров до дома Светланы, студенты с явным удовольствием скрылись в недрах подъезда, стучали ботинками об пол, сбивая налипший на подошвы снег, за два захода на лифте поднялись на восьмой этаж и вошли в такое долгожданное тепло квартиры, которое наконец-то даст согреться замёрзшим щекам и ногам. Окутав верхней одеждой деревянную рогатую вешалку в прихожей, раскладывали купленный в магазине продукты в зале на большом прямоугольном столе. К двум креслам, стоявшим возле стола, добавили ещё несколько табуреток из кухни. К небольшим музыкальным колонкам на батарейках подключили плеер – так получился импровизированный музыкальный центр.

Василиса рассматривала интерьер большой комнаты в квартире Светланы: большой гобелен с «Тайной вечерей» на стене, книги на христианскую тематику в книжной секции шкафа, лампадки, восковые церковные свечи в коробке, статуэтки ангелов и Богородиц в нишах по бокам, иконы на полке с белыми полотенцами в «красном углу» комнаты.

– У тебя так много всего такого церковного. – резюмировала увиденное Василиса, обращаясь к Светлане. – У тебя родители верующие?

– Да, мама очень религиозна, и я тоже, но не так сильно, как она. – ответила девушка. – Сейчас мама уехала в Полоцк в монастырь.

– А мне тяжело верить. Я – человек науки. Для меня важнее доказательная, опытная, осязательная, так сказать, часть жизни. – делилась своими мыслями Василиса. – Физика и химия – вот что для меня основа мира.

– Так-то оно так. – парировала Светлана. – Но все эти химические реакции, атомы и вещества когда-то просто болтались в космическом пространстве, пока кто-то на высшем уровне не заставил их быть организованными, не вдохнул в них жизнь, создавая таким образом нашу Землю и всё живое на ней во всём его многообразии и великолепии.

Атеистические настроения вызывали в душе Светланы грусть и некоторую опаску. Неверующие люди казались ей бездуховными телами, оболочками, лишёнными внутреннего божественного

наполнения, а раз они пусты, то никогда не знаешь, какая тьма может заполнить этот пустой сосуд.
— Хозяйка, достань, пожалуйста, бокалы. Шампанское уже заждалось. — обратился к Светлане один из парней. — Пора провожать уходящий год.
Светлана вышла в другую комнату, где в шкафу хранилась посуда. Василиса тем временем вышла в прихожую, звонила по мобильному. Проходя мимо с бокалами, Светлана уловила реплики её разговора с кавалером, который никак не мог сказать точно сможет ли приехать. Поджатые губы и печальный взгляд выдавали душевную боль Василисы. Светлана подошла и чутко прикоснулась к её плечу:
— Не грусти! Придёт ещё может твой Колька. Не мутила бы ты с женатым, одна головная боль с ними. Был бы он свободным сразу бы с нами пришёл сюда.
Василиса горестно вздохнула, понимая резонность её слов, подруги обнялись.
— Пойдём к столу, проводим старый год. — потянула Василису Светлана.
Довольно стандартное меню венчало стол: бутерброды с докторской, пельмени с кетчупом, яблоки и мандарины, игристое шампанское весело лопало пузырьки в хрустальных бокалах. После перекуса включили музыку. Из небольших колонок полились слова любви:

«Улетаем в небо. Под ногами
Удержи руками всё, что было с нами.
Ты уснёшь, малыш. Люблю тебя! Ты слышишь?
И никому до нас… Побудь со мной сейчас.» (1)

Гости начали разбиваться на пары и танцевать, только Василиса осталась одна. Адрес Николаю продиктовала, но тот так и не приехал и даже не перезвонил. Как же больно быть на вторых ролях, вот так вот брошенной в новогоднюю ночь.
Не отдавая себе отчёта, Василиса подошла к тому углу комнаты, где были иконы, ноги как будто сами её туда направили. Она долго всматривалась в лики святых, столько эмоций было на них

запечатлено: доброта, грусть, мудрость, покой, любовь, умиление и забота. Хочется смотреть на них не отрываясь, есть в этом что-то такое завораживающее, гипнотическое. Василиса обернулась, осмотрелась вокруг, её одногруппники, друзья, уже немного расслабленные алкоголем, разбившись на пары, нежно обнимались, плавно раскачиваясь в танце, была во всём этом некоторая интимность и такая недостающая ей любовь. Сама не до конца осознавая свои действия, Василиса потянулась к одной из икон в «красном углу», то был Николай Угодник.

— Раз мой Николай не пришёл ко мне, так будешь ты, Николай, сегодня моим кавалером. — с горькой усмешкой на губах проговорила Василиса.

Светлана, танцующая с Пашкой-«северным», как раз в этот момент повернулась лицом к Василисе, увидев икону в её руках, спохватилась, подбежала, попыталась забрать образ, но Василиса увернулась.

— Василиса, что ты делаешь? Поставь на место, нельзя так делать, побойся Бога!!! — увещевала она подругу.

Все перестали танцевать и с недоумением смотрели на Василису с иконой в обнимку, что было весьма удивительным, учитывая, что все знали о её атеистических взглядах.

— Если Бог есть, то пусть Он меня накажет. — с вызовом проговорила Василиса, скрестив руки, она прижала к груди икону Николая Чудотворца и закружилась по комнате в танце, ловко лавируя между стоящими парочками.

Прогремел гром и яркой, ослепительной вспышкой полыхнула молния. Сосед, живущий несколькими этажами ниже, курил на балконе, буквально обомлел от этого внезапного природного явления:

— Видать Илья-пророк зиму с летом перепутал…

Недокуренная сигарета выпала из его пальцев, спланировала на белоснежный покров на земле.

В нашей квартире тем временем некая неведомая сила разметала по углам всех присутствующих гостей. На столе из опрокинутой бутылки с шипением вытекало на пол шампанское. Где-то за стеной у соседей громко и тоскливо завыла собака. Когда гости начали приходить в себя, то первое, что бросилось им в глаза —

стоящая посреди комнаты Василиса с иконой в руках. Первая посетившая всех мысль была о том, почему неведомая сила не сбила с ног и её. Окружив девушку, все присутствующие поняли, что с девушкой случилось что-то не то. Она стояла, как статуя, не двигаясь, глаза её были широко раскрыты, длинные тёмные волосы как будто подхватил поток ветра. Дотронувшись до руки Василисы, они с ужасом обнаружили, что она твёрдая, как камень. Кто-то в ужасе закричал, закрывая лицо руками, одной из девушек стало плохо и её пришлось приводить в сознание. Стало понятно, что это Божья кара, наказание Василисе за её атеизм и богохульство, что это она сама и была источником той силы, которая раскидала всех присутствующих, как оловянных солдатиков. Никто не знал, как поступить в этой нестандартной ситуации, даже не пытаясь понять, как можно помочь их подруге и одногруппнице, молодые люди вышли в прихожую, обулись, похватали свои вещи с вешалки и ринулись в подъезд, одеваясь по дороге на улицу. Страх и суеверный ужас гнал их с места событий, где буквально недавно ничего не предвещало столь необычной и печальной развязки.

Только Светлане некуда было уходить из собственного дома. Она стояла перед Василисой и не верила своим глазам, дотрагивалась до рук и лица подруги, кожа была твёрдой и чуть прохладной, от девушки исходило какое-то странное гудение, как от трансформаторной будки. Светлана попыталась вытащить из рук Василисы икону, чтобы вернуть её на место, но это никак не удавалось – образ Святого Николая будто приклеился к ней. Девушка заплакала от бессилия и страха, мать должна была вернуться только через два дня, и она совершенно не понимала, что ей делать в этой ситуации.

Решила вызвать «скорую». Объясняя по телефону ситуацию, не стала упоминать про икону, чтобы её не приняли за пьяную или сумасшедшую, просто сказала, что подруга, бывшая у неё в гостях, вдруг стала неподвижной. Прибывшая бригада медиков охнула, увидев девушку, стоящую посреди комнаты с иконой в обнимку. Вдвоём пытались взять больную под руки и дотащить до дивана, но даже сдвинуть с места не смогли – Василиса тяжёлым памятником вросла в пол комнаты. Лёгкая прохлада кожи, этот

взгляд открытых глаз, который смотрел куда-то мимо тебя и его нельзя было поймать – всё это производило жуткое впечатление. Было непонятно жив человек или уже умер. А от этого гудения, исходившего от Василисы, просто мурашки по коже бегали.
Женщина-врач достала стетофонендоскоп, приложила его к груди девушки, долго слушала, пытаясь понять, найти хоть какое-то объяснение происходящему.
– Она жива? – с дрожью в голосе спросила врача Светлана.
– Сердцебиение слабое, но есть. – ответила врач. – странный случай, мышцы, как панцирь, но дыхание и сердцебиение есть. Она жива, но не могу понять, отчего такое могло произойти.
– Тут, скорее всего, какое-то сильное нервное потрясение. – предположил молодой парень–интерн, приехавший на вызов с женщиной-врачом.
– А откуда это гудение? – спросила Светлана.
– Скорее всего это она так дышит, воздух проходит через голосовые связки. – предположила врач.
Немного посовещавшись, обсудив ситуацию, врач решила сделать Василисе укол успокоительного, которое, по идее, должно было расслабить мышечное напряжение и вернуть девушку в нормальное состояние. Но укол поставить не удалось – иглы даже самого большого шприца гнулись и не могли войти в твёрдое тело застывшей девушки. Расписавшись в собственной беспомощности в данных обстоятельствах, врач с интерном развели руками и ушли, пообещав доложить руководству об этом случае и прислать им в помощь кого-нибудь другого.
Светлана закрыла за ними дверь и горько расплакалась, села на диван в той комнате, где стояла Василиса, закрыла лицо ладонями от отчаяния и беспомощности.
«Боже! Что делать? Как же ей помочь? Как же страшно быть тут с ней наедине!» – вертелось в голове у девушки.
Подбежав к Василисе, она обняла её:
– Ну зачем, зачем ты это сделала? – сквозь рыдания прокричала она. – Что теперь прикажешь делать, как помочь тебе?
Немного придя в себя, Светлана ушла в другую комнату, прилегла на кровать и забылась глубоким сном без сновидений.
Минуло два дня. Всё это время Василиса продолжала пребывать в

неподвижном состоянии, стоя посреди комнаты. Светлана решила молиться за подругу Николаю Чудотворцу в надежде, что он простит, помилует её непутёвую, но ничего не происходило. По городу поползли слухи о том, что произошло. Одногруппники Василисы и Светланы всем растрепали о случившимся и теперь во дворе их дома начали собираться толпы любопытных. Кто-то звонил в дверь, но Светлана, будучи дома одна, никому не открывала, отвечая через дверь, что если они ничем не могут помочь, то пусть уходят.

Из Полоцкого монастыря вернулась мать Светланы Валентина. Толпы народа во дворе удивили и растревожили её.

— Здравствуй, мама. — открыла ей дверь Светлана. — Даже не знаю, как тебе рассказать о том, что случилось…

Сняв обувь и пройдя в комнату, Валентина увидела стоявшую там Василису.

— Она уже с Нового года так стоит, два дня… — начала Светлана свой рассказ.

Изложив все подробности того вечера, она уже сто раз пожалела о том, что позвала гостей к себе домой, но кто же знал, что так получится. Валентина не верила своим глазам, крестилась и причитала:

— Бедная, несчастная дурочка, как же тебя так угораздило. Что нам делать теперь, как помочь тебе?

Валентина велела дочери узнать телефон родителей Василисы, созвонилась с ними и, продиктовав адрес, просила прийти со столярными инструментами.

Когда те приехали, матери Василисы сделалось дурно при виде окаменевшей дочери. Пришлось вновь вызывать «скорую». Тем временем отец и брат Василисы пытались разрезать линолеум под её ногами, чтобы можно было отделить девушку от пола и увезти на машине домой. Но линолеум не поддавался никаким внешним воздействиям, словно стал каменным, как и сама девушка. Из едва заметных царапин, нанесённых инструментом, начала сочиться жидкость, похожая на кровь. Так ничего и не решив, родители Василисы уехали ни с чем, матери всё ещё требовалась медицинская помощь.

Вечером Валентина сходила в расположенный недалеко от их дома

Петропавловский собор, договорилась со священником, чтобы он пришёл к ним и отчитал Василису, может быть это как-то спасёт девушку. Очень страшно было находиться с ней в одной квартире, ведь она без еды и воды в любой момент могла умереть. Невозможно себе представить, что сейчас чувствовала сама Василиса, стоя днём и ночью, долгие, долгие часы неподвижно, окаменев снаружи, но будучи живой внутри.

***

Василиса танцевала, прижав обеими руками икону к груди и не замечала никого вокруг. Когда внезапно громыхнул гром и сверкнула молния, то она резко остановилась. Казалось, что этот невероятный звук и свет исходили не с улицы, не с неба, а изнутри её самой. Это было нереально, на миг возникло ощущение быстрого падения в какую-то белую облачную бездну, хотя это было всего лишь иллюзорным ощущением, длившимся считанные мгновения. Потом пришла тяжесть. Она по нарастающей сковывала всё её тело, сотнями муравьёв шевелилась внутри, волнами двигаясь откуда-то изнутри по направлению к поверхности, образуя под кожей плотный твёрдый панцирь. Когда все эти ощущения прошли, Василиса поняла, что не может сдвинуться с места. Единственное, что она могла – это дышать и немного двигать зрачками глаз. Сами веки не смыкались и всё время были открыты.
«Боже! Что со мной? Что я натворила!!! Неужели я такой и останусь, пока не умру от голода и жажды?» – проносилось в голове у Василисы.
В душе её теплилась надежда, что это всё ненадолго и через какое-то время её «отпустит». Но шли часы, складывались в дни, а состояние её не менялось.
Она видела, как уходили её одногруппники, как плакала Светлана, Василиса не столько кожей ощущала объятия подруги, сколько душой чувствовала её страх, боль и отчаяние, чувство беспомощности и искреннего желания помочь ей, но просто не знала как. Все эмоции Василисы обострились, душа стала более восприимчива к чувствам других людей. Это можно было сравнить

с экстрасенсорикой и обострённой эмпатией. Потом пришли врачи – женщина лет сорока и молодой парень-интерн. Женщина явно была удивлена столь редкому медицинскому случаю. Были в её душе жалость и искреннее сожаление о собственной профессиональной беспомощности в столь нетривиальной, из ряда вон выходящей ситуации. Молодой парень-интерн просто пялился на неё, как на женщину, и было в нём больше человеческого любопытства, чем жалости и искреннего желания помочь. В его сознании больше проскакивали амбициозные мысли о славе в медицинских кругах, если ему удастся разгадать эту загадку. Они ушли. Ушла с ними и надежда Василисы на то, что она сможет выйти из этого состояния и вернуться к прежней жизни.

Пришла мама Светланы – верующий, добрый, светлый, чистой души человек.

«Как жаль, что я раньше думала о ней плохо из-за её религиозности. Теперь мне так светло и спокойно, когда она рядом со мной, смотрит на меня и по-матерински переживает» – проносилось в голове у Василисы.

Потом пришли родители Василисы. Их душевная боль, ужас от увиденного, все эти эмоции просто невидимым ураганом обрушились на Василису. Её душа, как оголённый нерв, всё очень остро воспринимала, любые внешние человеческие эмоции, как положительные, так и отрицательные, считывались и прочно запечатлялись в душе и памяти девушки.

«Не знаю, умру ли я или буду и дальше жить в таком состоянии. Наверное, в моём случае это такие предсмертные переживания. – думала Василиса. – Бедная моя мамочка, ей из-за меня стало плохо, только бы она не умерла! Я люблю тебя, милая, прости меня за всё, что я натворила».

Василиса проводила взглядом уходящих родственников и врачей, уводящих под руки её маму. Внутри у неё всё плакало и разрывалось на части от раскаяния и жалости к родителям. Впервые в её не столь длинной жизни была ситуация, когда она совершенно беспомощна и не может ни что-либо изменить, ни попросить помощи и совета у кого-нибудь из старших.

***

На следующий день в дом Валентины пришли священники из Петропавловского собора. Увидев окаменевшую девушку с иконой в руках, они перекрестились, на их лицах явно читался суеверный ужас, понятное дело, что не каждый день на работе они сталкиваются с такими чудесами. Выслушав историю Василисы, святые отцы долгое время читали тексты, крестились и кропили Василису святой водой. Лицо девушки немного просветлело, лёгкое сияние начало исходить от него, а из глаз вдруг потекли слёзы. Светлана и Валентина смотрели на неё и не верили своим глазам:
— Мама, я так надеюсь, что ей стало хоть немного легче. — сказала тогда Светлана.
Священники ушли, пообещав каждый день присылать кого-нибудь из собора молиться за несчастную девушку.

***

Шёл март. Прошло чуть больше двух месяцев, как Василиса окаменев, замерла посреди комнаты. Много народа побывало в гостях у Валентины. Приходили родственники Василисы, институтские преподаватели не поверили сначала рассказам обо всём случившимся с Василисой, навещали иногда одногруппники, соседи, просто верующие люди. Увиденное всегда производило очень жуткое впечатление до дрожи в коленках и перестука зубов. У многих людей появлялась седина в волосах. Глядя на застывшую, неподвижную Василису, сложно было разобраться жива они или нет. Но потом всё-таки приходило понимание того, что девушка жива, так как она дышит, а иногда из её глаз текут слёзы. Но как же сложно, практически нереально представить, что чувствует её душа, запертая в каменном панцире её тела, как она мечется там между жизнью и смертью. В таком состоянии девушка не ела и не пила всё это время, поэтому было совершенно удивительным то, за счёт каких внутренних ресурсов в ней продолжает теплиться жизнь.
По всему городу разнеслась весть о стоящей Василисе. Не утихали споры о том, кара ли это небесная, постигшая атеистку и богохульницу или же чудо это, дарованное нам Господом, чтобы

открыть людям глаза на присутствие Его, вдохнуть веру в Него не только всем неверующим, но и верующих вдохновить и смотивировать их отпрянуть немного от суетности мирской и пригласить их в дом Божий. Сотни верующих стали заполнять церкви города, многие некрещёные стали креститься и принимать Господа в сердце своём.

***

С наибольшим нетерпением ждала Василиса прихода в гости святых отцов. Слава Богу, что каждый день из церкви кто-то да приходил отчитывать её. Слушая святые тексты, душа Василисы отделялась от затвердевшего тела и перемещалась в некое пространство без определённых очертаний. Всё вокруг было как бы в белесых кучевых облаках, сквозь которые едва уловимыми силуэтами просматривались деревья, скамейки, фигуры каких-то людей. Рядом с Василисой чётко и явно была видна фигура пожилого мужчины с седой бородой и коротко подстриженными волосами, высокий лоб переходил в небольшую лысину. Благородное, с тонкими чертами лицо смотрело на девушку с печалью и любовью. Мужчина был облачён в бордовую с золотыми равносторонними крестами мантию, плечи покрывала широкая голубая накидка, ниспадающая вперёд вдоль тела до нижнего края мантии, с изображением распятий по обеим сторонам. Внешность человека показалась ей неуловимо знакомой.
«Да это же сам Николай Угодник с иконы, что у меня в руках» — пришло к Василисе внезапное озарение.
— Простите меня, я согрешила. — промолвила девушка.
Душа её разрывалась, терзаемая чувством стыда за своё неверие, богохульство, за всю свою пустую, бездуховную жизнь, прожитую, опираясь лишь на реальный, материальный мир, на науку, достижения которой так вдохновляли её.
Святитель молчал. Исходивший от него свет без слов нёс в себе невероятный поток любви, добра, сострадания, того умиления, которые может испытывать только Отец к своему неразумному созданию. Было и чувство огорчения за этот её проступок и искренняя боль, сочувствие к страдающей Душе.

— Пойдём со мной, дочь Моя. Многое я должен показать тебе. Силы добра и зла борются сейчас за Душу твою и только ты сама сможешь сделать правильный выбор.
После его слов всё исчезло. Василиса словно в кроличью нору провалилась, падая со скоростью света, со свистом в ушах, по какому-то белоснежному гофрированному тоннелю, пока вдруг не оказалась посреди улицы. Был летний солнечный день, широкая улица с одно- и двухэтажными каменными домами была заполнена людьми в длинных просторных одеждах.
«Как в халатах» — пронеслось в голове у девушки.
Головы людей были обёрнуты в ткань в виде чалмы, а лица женщин спрятаны за чадрой, оставляя открытыми только глаза с красивым восточным макияжем. За руку женщины вели маленьких смуглых детей, которые смотрели на Василису с нескрываемым любопытством. Казалось, что одни дети её и видели, для остальных же девушка оставалась невидимой. Мужчины толкали перед собой тележки с вещами в тканевых тюках, товаром, фруктами и овощами.
«Какая-то ближневосточная страна» — подумалось Василисе.
В этот момент воздух разрезал резкий звук реактивных двигателей, а по яркому синему небу коршуном пролетел бомбардировщик, отбрасывая на землю острые чёрные тени. Этот разрывающий уши гул слился с криками людей, заметавшихся по улице в поисках укрытия. Секундное непонимание происходящего исчезло с первой прилетевшей из синего неба авиабомбой. Невероятный грохот, клубы пыли от взорванной земли и рушащихся домов, крики и кровь тех, кто не успел укрыться и оказался в эпицентре этого ада. Василиса заметалась, но поняла, что не может нигде укрыться, что-то держит её посреди улицы, в самом сердце этого кошмара, заставляя наблюдать за всем происходящим, видеть совершенно все подробности, мелочи и детали, чувствовать и пропускать через себя, боль, ужас, страдания всех этих людей, которым она совершенно не в силах была помочь.
В клубах дыма Василиса увидела лицо одного из тех смуглых мальчишек с глазами-бусинками, что ещё совсем недавно прошёл мимо неё со своей мамой и пристально посмотрел на незнакомую

тётю – такой ему увиделась Василиса. А теперь его придавило стеной рухнувшего дома. Лицо его смотрело в синее небо, но эти глаза-бусинки уже никогда не увидят свет.
Чувство несправедливости от ранней несвоевременной смерти, физическая боль раненных, горечь непрожитых лет, страх за детей и боль от их потери, жгучая, сравнимая с пламенем полыхавшего вокруг пожара, ненависть к врагам, к тем людям в кабинетах из кожи, кто отдавал приказы, кто плёл эту политическую паутину и поверг всех этих людей в пучину смерти и страданий – весь этот бесконечный и беспощадный поток эмоций проходил сквозь Душу Василисы, заставляя её неимоверно страдать, соболезновать и просто разрываться от невозможности помочь и хоть что-либо изменить.

***

Комната в доме Валентины. Монотонным голосом, с специфическим церковным распевом, читал священник акафист перед окаменевшей фигурой Василисы. Слёзы текли из её глаз и вдруг она, ранее до этого молчавшая, закричала:
– Молитесь, молитесь!!! Земля качается, как колыбель!!!
Все присутствующие вздрогнули от неожиданности. Валентина лишилась чувств. Светлана обняла Василису и горько заплакала:
– Как же ты страдаешь!!! Когда же всё это прекратится?!!

***

Разгромленная улица исчезла. Василиса вдруг оказалась в больнице. По внешнему виду больных и персонала можно было догадаться, что это какая-то европейская страна. После грохота бомбёжки от внезапно наступившей тишины звенело в ушах. По-прежнему девушку никто не видел. Она бродила коридорами силясь понять, почему вдруг здесь оказалась и какое испытание ей здесь предстоит. Ничего особенного не происходило: обычные разговоры персонала, больных, ничем не примечательная жизнь больницы.
Прошло довольно много времени, пока Василиса вникла в больничные будни, побывала на всех этажах. Зашла в педиатрию,

но там дети вдруг начали её видеть, показывать пальцами, пытались заговорить с ней. Василиса быстро ретировалась, так как для обычных взрослых это со стороны выглядело бы так, будто дети общаются с пустым местом и показывают пальцами просто в воздух.
Вся атмосфера больницы была наполнена эмоциями доброты, искренней заботы врачей о состоянии больных, сочувствием и эмпатией к старым и немощным. Молодые врачи учились у более опытных, а те в свою очередь соревновались в профессионализме между собой.
— Я как будто попала в кино про больницу скорой помощи. — вспомнила Василиса знаменитый американский сериал. — Не могу только понять вымышленное это место или настоящее, где работают такие неравнодушные и любящие свою работу люди.
Радость, блаженство и умиление разливались в Душе у девушки, захотелось тоже стать таким же врачом, как и они — умным, добрым, заботливым. Тревога резким толчком разбила сосуд этой идиллии. Этаж реанимации — Василиса устремилась туда. На каталке привезли беременную женщину, сбитую на пешеходном переходе пьяным водителем. Врачи окружили её и засуетились, резко и чётко отдавая команды, проводили все необходимые реанимационные мероприятия. Писк приборов, шум аппарата искусственной вентиляции лёгких с поднимающимся и опускающимся гофрированным клапаном внутри стеклянного цилиндра, зигзагообразные пики на мониторе — всё это завертелось, замелькало перед глазами Василисы, эмоции всех этих людей окутали её коконом, сквозь который она с трудом силилась разобраться в происходящем.
— Спасти не удалось. — поняла Василиса, когда зигзаги на мониторе сменились прямой линией и непрерывным писком приборов.
Многочисленные попытки реанимации ни к чему не приводили. Сожаление, отчаяние, чувство опустошённости и беспомощности оттого, что не удалось спасти не только молодую женщину, но и маленькую жизнь внутри неё. Василиса увидела, как от женщины отделился белый силуэт её Души и, взяв за руку маленькую белокурую голубоглазую девочку, удалился прочь по коридору,

где их поглотил белый дневной свет, лившийся с улицы.
Даже у самых искренних и добрых людей не всё получается и это так грустно. Василисе нравилось это место, хотелось остаться тут навсегда и жить историями здешних врачей и больных. Это было не так страшно и душераздирающе, как во время бомбёжки. Но время не ждёт…
Василиса оказывается на улице. Была зима, обычный школьный двор в «спальном» районе. Конец учебного дня, когда все школьники огромной нетерпеливой толпой освободившихся людей, стремительно покидали стены школы. Основной поток схлынул, и Василиса обратила внимание на бедно одетого мальчика лет двенадцати. Он понуро плёлся в неудобных, слишком больших для него, растоптанных ботинках, явно с чужой ноги. За ними шли двое его одноклассников, очевидно из обеспеченных семей, которых в народе называют «мажорами». Один из них лепил снежки и бросал их в нашего героя, а второй снимал всё происходящее на камеру мобильного телефона.
— Слышь ты, нищеброд! Мать у тебя алкашка, а отец в тюряге сидит. — с неимоверным презрением дразнился тот, что кидался снежками.
— А мать тебя с соседом нагуляла. — с явной издёвкой продолжил владелец дорогого мобильного.
Мальчик молча шёл впереди, с достоинством, не оборачиваясь и никак не реагируя на удары снежков и не менее болезненные уколы слов. Да, отец сел в тюрьму за кражу в магазине потому, что задерживали зарплату, а дома нечего было есть. Мать запила без него, но в этом ей «помогли» соседи. Сначала просто общались по-соседски, потом начали приглашать в гости, а мать, как человек общительный и без поддержки мужа, втянулась в эти бесконечные посиделки.
Дима жил с бабушкой. Они были друг для друга единственной опорой и надеждой. Жили очень скромно, отсюда и такой внешний вид, служивший вечным поводом для стёба окружающих. Но Дима хорошо учился, уже в таком возрасте он понял, что надеяться можно только на собственные силы. Всё в его жизни будет хорошо, успешно и благополучно. Вот только поскорей бы пережить это «здесь и сейчас» с этими жуткими одноклассниками,

родившимися «с золотой ложкой во рту», у которых всё есть по праву рождения, ничего ведь сами не добились, а считают себя лучше остальных. Досада, боль, обида и злость распирали мальчика, рука до побелевших пальцев сжимала ручку портфеля. А те двое не отступали, с упоением наслаждались чувством собственного превосходства.

Василиса невидимой шла рядом с ними, сжимая кулачки от бессилия, с каким удовольствием она отлупила бы этих двух идиотов. Да им оценки в школе «рисуют» хорошие только потому, что их родители на ремонт и новые компьютеры сбросились. Всё эмоциональное напряжение между противоборствующими сторонами, как разряды молний в грозу, проходило через Василису. Теперь она знает и эту сторону жизни изнутри, как будто переживала всё это на собственном опыте. Как жаль, что такие суровые испытания перепадают не взрослому человеку, а ребёнку с чистой, ранимой душой и совсем ещё неокрепшим сознанием. Жаль, что не в силах была Василиса как-то повлиять на увиденную ситуацию – наказать обидчиков и подбодрить как-то мальчика Диму. Только лишь роль стороннего наблюдателя и ученика отведена здесь Василисе.

И вновь смена обстановки. Василиса оказывается в приюте для бездомных животных. Большое здание со множеством комнат, где в клетках по одному сидят кошки и собаки, отловленные на улице, кого-то приносят хозяева, что завели питомца, но явно не рассчитали свои силы, а выгнать на улицу не захотели. Многие животные были старые и больные, кого-то сбила машина, а кто-то на улице пострадал от издевательств жестоких людей. Ветеринарные врачи приюта с большой любовью и заботой лечили этих животных.

Наблюдая за всем происходящим, Василиса плакала, сердце её разрывалось от скорби и жалости к беззащитным созданиям, таким зависимым от воли людей. Они любили своих хозяев, были им преданы и послушны, или же были свободными жителями улиц, но волею чьих–то жестоких, каменных сердец, оказались брошены, покалечены, обречены на голодное и холодное существование на улице. И как только бывшие хозяева могут со спокойной душой засыпать дома в тёплой постели после сытного ужина, в то

время, как их питомец терпит такие лишения и страдания.
«Милые мои ангелы! – думала Василиса. – Теперь вы в надёжных руках, вас подлечат, накормят и обогреют».
Шло время. Василиса наблюдала за жизнью приюта. Скорбела над новыми жильцами, радовалась выздоровлению больных, а когда приходил человек, желающий забрать животное из приюта домой, то сердце её ликовало.
– Мы заберём его домой, чтобы любить! – так сказал один мужчина о коте, которого они с женой выбрали, достали из клетки и посадили в кошачью переноску, принесённую с собой.
Василиса захлопала в ладоши и была готова расцеловать этих людей.
Бестелесное существование, в котором пребывала девушка, позволяло ей получать большое количество информации о людях, об их характерах, биографии, прошлой жизни. То же касалось и животных приюта – Василиса знала судьбу каждого из них, что происходило с ним с момента рождения и до появления в приюте. Жалела каждого, как родного ребёнка. Животные чувствовали её и присутствие девушки успокаивало, обнадёживало их. Слава Богу, что тут не усыпляют животных, если на то нет надобности по состоянию здоровья, а всё-таки ищут через интернет для них новых хозяев, вывешивая фотографии на специальном сайте.
Привычная обстановка приюта сменилась резким рывком вверх. Снова невероятно быстрый полёт по гофрированной бело-серой трубе, от скорости которого свистело в ушах. Василиса снова оказалась в том странном туманном месте и перед ней появился Святой Николай Угодник. На прекрасном благородном лице его не было былой грусти и печали. Он слегка улыбнулся и произнёс:
– Ты познала Добро и Зло, вся сущность людская прошла перед твоими глазами. Теперь ты всегда сможешь сделать правильный выбор.
Святой сделал жест в сторону, указывая направление и предлагая пройти:
– Твои страдания окончены, и ты можешь обрести покой.
В указанном направлении туман немного расступился и показалась тропинка, мощённая тёсанным камнем, по бокам было поле, терявшееся в тумане, сквозь который просматривались силуэты

деревьев, растущих в стороне от тропы. Василиса перекрестилась с поклоном, слёзы комом встали в горле, мысли роились в голове, но так и не успели облечь форму слов – фигура Святого исчезла так же внезапно, как и появилась.
Девушка пошла по тропинке, которая привела её в чудесный сад с большим прудом по центру. С берега на берег был переброшен металлический мост с кованными перилами с изображением вьющихся растений и сказочных птиц. Но что-то останавливало Василису, некое внутреннее подспудное чувство подсказывало, что переходить на другую сторону пруда ещё рано, есть в этом, казалось бы совершенно простом действии, сакральная опасность и необратимость.
Василиса решила продолжить свой путь по тропинке, минуя пруд, углубилась в сад. В саду росли плодовые деревья, чьи ветви свисали до самой земли, маня спелыми плодами. Странно, как они тут растут среди тумана, сквозь который не проникает солнечный свет? Среди деревьев стояли скульптуры ангелов, как детей, так и взрослых. Были и другие скульптуры: женщины с руками, прижатыми к груди, пальцы были переплетены, как в молчаливой молитве. Иные же женщины, держали на руках младенца и склоняли голову к нему в материнской любви и умилении. Ребёнок постарше сам стоял рядом с мамой, держа её за руку, заглядывая ей в лицо с немым вопросом на устах. Одежда струилась по фигурам статуй тончайшим шёлком, складки и морщинки на ткани подчёркивали совершенство их тел, создавали эффект движения скульптур, и сама одежда как будто развевалась на ветру. Нежные лица были наполнены такими сильными, глубокими эмоциями, что нельзя было не удивиться и не восхититься мастерством небесного скульптора, создавшего эти шедевры.
Василиса присела на скамейку, стоявшую сбоку от тропинки. Тишина и спокойствие этого странного места наполняли её душу благодатью. Пережитые ею страдания от увиденного там, на земле, среди людей, перестали причинять ей душевную боль, стали её Знанием и Опытом, которые она обрела и усвоила.
«Как же здесь хорошо! Остаться бы тут навсегда». – подумалось Василисе.
Тихая радость и светлая благодать разливались у неё на сердце.

Никогда не испытываемое ранее пришло к ней чувство Отеческой любви, как только может любить Отец наш небесный своё оступившееся дитя.
«Как же я могла жить без этого раньше?» — эти мысли откровением, ошеломительным потоком полились в сознание Василисы. — Как могла я не принимать Бога в душе своей?»
Девушка закрыла глаза. Лёгкий летний ветерок нёс в себе одновременно и тепло и лёгкую прохладу, шелестел листвой деревьев и приятно холодил кожу девушки, шевелил её длинные тёмные волосы.

***

Священники из Петропавловского собора всё это время ежедневно посещали застывшую Василису и подолгу молились за неё. Наступила Светлая Пасха. Читая молитвы, батюшка заметил, как дрогнула и немного пошевелилась девушка. Он охнул от неожиданности и перекрестился. На возглас подошли Валентина с дочерью:
— Ожила!? — чуть ли не хором воскликнули они.
Светлана взяла обеими руками икону Николая Чудотворца и вытащила её из цепких объятий окаменевшей Василисы. Это было поразительным событием, так как все эти сто двадцать восемь дней от Нового года до Пасхи, которые Василиса простояла в доме Валентины, икона и тело девушки образовывали единое целое, как будто были монолитным изваянием, созданным каким—то небесным скульптором. Как только икона оказалась в руках Светланы, как окаменение, сковывавшее тело Василисы, исчезло, и девушка осела на пол, поддерживаемая под руки подоспевшими священниками.
— Василисушка, милая! Что же ты так долго стояла, не ела и не пила, ты ведь могла бы умереть. — промолвила Валентина, не веря своим глазам.
— Ничего подобного, какие вы глупые! — ответила Василиса. Голос её после длительного молчания оказался тихим и хрипловатым. — Я была в небесном саду со статуями, и белые птицы меня кормили и поили.

Присутствующие засуетились вокруг неё, уложили на диван, напоили водой и вызвали «скорую помощь». Долгое время Василиса провела в больнице, где её изучали и обследовали. Не найдя ничего из ряда вон выходящего, выписали, назначив курс психологической реабилитации амбулаторно. Василиса лишь улыбнулась в ответ на такую рекомендацию и пошла в Петропавловский собор. От всей души поблагодарила всех святых отцов, что молились за неё, обращаясь к каждому из них по имени, чем не мало удивила их. В том же Петропавловском соборе Василиса приняла крещение, усердно молилась и каялась в грехах своей жизни прошлой.

Теперь же жизнь её была наполнена Богом, той Его любовью и благодатью, духовностью, которой ей так не хватало и которая наполнила пустовавший ранее сосуд её тела. Василиса стала волонтёром: посещала больницы, хосписы, дома престарелых и детские дома, приюты для животных. Жить отдавая, с любовью в сердце, стало смыслом её жизни. То страшное испытание, когда она окаменела, стало настоящим чудом, испытанием веры, полностью переродившим её.

Благодарность, облегчение и счастье в глазах тех людей, к которым приходила Василиса – это было самым большим счастьем и для неё самой.

10.10.2017-29.10.2017.

---

(1) Из песни Димы Билана «Малыш», автор стихов Илья Зудин.

© Марина ШАТЕРОВА. Mistika we fantastika